

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ
В КООРДИНАТАХ СОВРЕМЕННОГО МИРА
GLOBAL ECONOMIC TRENDS AND CHALLENGES
IN THE MODERN WORLD

Обзор
Review

УДК 338.48 (45)

DOI: 10.18413/2408-9346-2025-11-4-0-9

Климова Т. Б.^{1а}
Пушкина Ю. В.^{1,2б}

Формирующийся ландшафт международной
образовательной мобильности и траектории изменения
глобального рынка образования

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(НИУ «БелГУ»),
ул. Победы, 85, Белгород 308015, Россия

²НИТУ МИСИС,
Ленинский проспект, 4, стр. 1, Москва 119049, Россия

^а*e-mail:* tklimova@bsuedu.ru

^б*e-mail:* juliazarubina.91@gmail.com

^аORCID 0000-0001-6329-8404

^бORCID 0000-0003-2070-9175

*Статья поступила 20 ноября 2025 г.; принята 16 декабря 2025 г.;
опубликована 30 декабря 2025 г.*

Аннотация. В статье авторы рассматривают, как меняется ландшафт международной образовательной мобильности. Несмотря на то, что со стороны отдельных принимающих государств усиливается давление структурных ограничителей, связанных с миграционной политикой, ужесточением визовых и финансовых требований, растет нагрузка на инфраструктуру принимающих городов, статистическая картина подтверждает, что спрос на зарубежное образование остается высоким. Именно на этом фоне становятся особенно заметны структурные изменения, происходящие в последние годы. Эти изменения постепенно перестраивают географию и динамику трансграничных перемещений в образовательных целях, снижая доступность традиционных направлений, одновременно стимулируя развитие региональных форм мобильности и гибридных образовательных моделей. Авторы отмечают, что международная студенческая мобильность вступает в более фрагментированную, чувствительную к политике фазу. Хотя страны «большой четверки» остаются ведущим направлением, их лидерство на рынке начинает ослабевать. Сценарный анализ, представленный QS Global Student Flows, показывает возможность трех траекторий развития глобальной образовательной мобильности: «регулируемого регионализма», «гибридного мультиверситета» и «восстановления гонки талантов». Мобильность становится не просто элементом образовательной политики, но и фактором экономического развития, территориальной устойчивости и международ-

ной конкуренции за человеческий капитал. Авторы анализируют траектории, указывая на, что все три сценария не исключают друг друга и могут реализовываться параллельно в разных регионах, задавая мозаичную конфигурацию будущего ландшафта международной мобильности.

Ключевые слова: образовательная мобильность; рынок образовательных услуг; образовательная миграция; сценарии развития

Для цитирования: Климова Т. Б., Пушкина Ю. В. *Формирующийся ландшафт международной образовательной мобильности и траектории изменения глобального рынка образования // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2025. Т. 11. № 4. С. 111-122. DOI: 10.18413/2408-9346-2025-11-4-0-9*

UDC 338.48 (45)

Tatyana B. Klimova^{1a}
Julia.V. Pushkina^{1,2b}

**The emerging landscape of international educational mobility
and the trajectory of change in the global education market**

¹Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

²MISIS National University of Science and Technology,
4 Leninskiy Ave., Moscow 119049, Russia

^a*e-mail:* tklimova@bsuedu.ru

^b*e-mail:* juliazarubina.91@gmail.com

^aORCID 0000-0001-6329-8404

^bORCID 0000-0003-2070-9175

Abstract. In the article, the authors consider how the landscape of international educational mobility is changing. Despite the fact that structural constraints related to migration policy, stricter visa and financial requirements are increasing on the part of individual host countries, and the burden on the infrastructure of host cities is increasing, the statistical picture confirms that the demand for foreign education remains high. It is against this background that the structural changes taking place in recent years have become particularly noticeable. These changes are gradually reshaping the geography and dynamics of cross-border movements for educational purposes, reducing the availability of traditional destinations, while stimulating the development of regional forms of mobility and hybrid educational models. The authors note that international student mobility is entering a more fragmented, policy-sensitive phase. Although the Big Four countries remain the leading destination, their market leadership is beginning to weaken. The scenario analysis presented by QS Global Student Flows shows the possibility of three trajectories for the development of global educational mobility: "regulated regionalism", "hybrid multi-university" and "restoration of the talent race". Mobility is becoming not just an element of educational policy, but also a factor of economic development, territorial stability and international competition for human capital. The authors analyze the trajectories, pointing out that all three scenarios do not exclude each other and can be implemented in parallel in different regions, setting a mosaic configuration of the future landscape of international mobility.

Keywords: educational mobility; educational services market; educational migration; development scenarios

For citation: Klimova, T. B., Pushkina, Ju.V. (2025), "The emerging landscape of in-

ternational educational mobility and the trajectory of change in the global education market”, *Research Result. Business and Service Technologies*, 11 (4), pp. 111-122, DOI: 10.18413/2408-9346-2025-11-4-0-9

Введение (Introduction). В последние годы международная студенческая мобильность представляет собой динамично развивающееся явление, которое оказывает существенное влияние на трансформацию рынка образовательных услуг в глобальном масштабе. Высшее образование уже нельзя описывать как последовательную и предсказуемую траекторию. Под воздействием конъюнктуры мирового рынка, геополитических сдвигов и стремительного внедрения технологий искусственного интеллекта оно приобретает характер многомерной системы, в которой образовательные маршруты формируются на пересечении технологических изменений, трансформации рынка труда и возрастающей пространственной подвижности.

Наблюдаемое до 2020 года концентрированное распределение потоков привело к формированию группы стран-лидеров, доминирующих на рынке экспорта образовательных услуг. США, Великобритания, Канада и Австралия – страны, которые благодаря институциональному качеству высшей школы, англоязычной образовательной среде и интеграции образовательных программ с миграционными возможностями обеспечивали устойчивый спрос со стороны иностранных абитуриентов. Однако последние годы характеризуются нарастающей турбулентностью: наряду с восстановлением после пандемийного шока фиксируются разнонаправленные тенденции, связанные с демографическими изменениями, усилением конкуренции со стороны новых «образовательных хабов» и пересмотром государствами своих миграционных и визовых режимов.

Безусловно, все эти вопросы не остаются без внимания научного сообщества. Увеличивается количество теоретических и эмпирических работ, посвященных экспорту образовательных услуг,

трансформации образовательной мобильности и образовательной миграции, мотивациям студентов, последствиям их перемещений для стран-реципиентов и стран-доноров, а также влиянию геополитических, демографических и экономических факторов на структуру образовательных потоков.

В исследовательскую повестку внесен существенный вклад отечественных и зарубежных исследователей. В работе М.Е. Косова рассматривается опыт различных стран по формированию и реализации экспортноориентированных стратегий в сфере высшего образования с акцентом на место и перспективы России в условиях санкционного давления (Косов, 2025). В статье Е.Н. Быковской и М.Н. Рыбиной представлен анализ конкурентных позиций России на мировом рынке образовательного экспорта, показано усиление глобальной конкуренции и обозначены факторы, влияющие на привлекательность российских вузов для иностранных обучающихся (Быковская, Рыбина, 2023). Эффективную стратегию экспорта российского образования на глобальном рынке с учетом новой геополитической конфигурации и изменения приоритетных стран-партнёров предлагают в своей работе В.К. Николаев, А.А. Скворцов, Р.С. Николаев, С.А. Богатенков (Николаев и др., 2025).

Дополняют обзорные публикации российских ученых исследования зарубежных авторов. Луо Ю. и соавторы подчеркивают, что международная студенческая мобильность представляет собой «фрагментированное, но быстро растущее поле исследований», требующее междисциплинарного подхода, объединяющего экономику образования и миграционные исследования (Luo et al, 2023). Ряд авторов исследует, как мобильность трансформируется в долгосрочную миграцию на примере кейсов отдельных стран (Dilek Fidler et al, 2025;

Hunaiti, 2025). В свою очередь, Рокита-Поскар и соавторы фокусируются на «демографической устойчивости» территорий, отмечая, что приток иностранных студентов поддерживает возрастную структуру и расширяет потенциал местных экономик (Rokita-Poskar et al, 2024).

Особая важность иностранных студентов, как экономических субъектов, представлена в ряде исследований, объединяющих образовательную и туристскую логику (Mendoza-Jiménez et al, 2025; Klimova, 2024; Choi, 2021; Озерова, 2024). Переосмысление опыта мобильных студентов в контексте академического туризма, где мобильность трактуется как часть территориального опыта, а студент выступает как участник одновременно образовательного и туристского процесса, представлено в работах М. Селби (Selby, 2021).

В кросс-национальном анализе Дж. Квак и М. Чанкселиани выявлено, что исходящая мобильность может быть связана с долгосрочным снижением уровня бедности в странах с низким и средним уровнем дохода, что отражает «трансформирующий потенциал международного высшего образования» (Kwak et al., 2024).

Объединение теоретических подходов и исследований образовательной мобильности позволяет заключить, что международное образование становится не только образовательным, но и экономическим, территориальным и демографическим ресурсом.

Цель исследования (The aim of the work) – показать, как меняется современный ландшафт международной студенческой мобильности и какие формируются сценарии трансформации глобального рынка международного образования.

Материалы и методы исследования (Materials and Methods). Эмпирическую базу исследования составили открытые статистические данные международных источников, а также результаты специальных аналитических проектов, посвященных международной студенческой мобильности и экспорту образовательных

услуг. В работу включены данные по численности иностранных студентов в основных странах-реципиентах, данные международных статистических платформ (QS, OECD, ICEF) и прогнозно-сценарные расчеты QS Global Student Flows. Теоретический обзор составили научные публикации, отобранные по ключевым словам, связанным с международной мобильностью, образовательной миграцией, экспортом образовательных услуг. Исследование опирается на сочетание описательной статистики, сравнительного и структурного анализа, визуализации данных и сценарного подхода.

Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion). Традиционно большой «образовательный хаб» образуют США, Великобритания, Канада и Австралия. Эти страны исторически формируют архитектуру рынка экспорта образовательных услуг и создают концентрированное ядро мирового образовательного пространства, вокруг которого развивается растущий сегмент региональных и альтернативных направлений.

Данные международных статистических платформ демонстрируют восходящий тренд глобальной мобильности до пандемии. Пандемийный период привел к снижению показателей, но уже в 2022-2023 гг. мировые потоки начали восстанавливаться. При этом перераспределение по странам оказалось неоднородным. В ряде государств (Германия, Франция, Нидерланды, Китай) фиксировался прирост количества обучающихся из-за рубежа, тогда как в других направлениях динамика оставалась нестабильной.

На основании данных, представленных экспертами ICEF (International Consultants for Education and Fairs), составлена таблица, в которой отражены страны происхождения иностранных студентов в выбранных странах-реципиентах международного образования Австралии, Великобритании, Германии, Канаде, Малайзии, США, Франции и Японии (по данным за 2023 г.) (ICEF Insights. Charting a new approach..., 2025).

Таблица

**Основные страны происхождения иностранных студентов
 в ведущих странах-реципиентах (тыс. чел.)**

Table

**The main countries of origin of international students
 in the leading recipient countries, (thousand pers.)**

Страны	Австралия	Ан- глия	Германия	Канада	Малай- зия	США	Фран- ция	Япония	Ито- го
Индия	127	73	43	427	4	69			1 042
Китай	166	154	39	101	39	290	27	116	932
Нигерия		72		46	4	18			140
Непал	62			21				38	121
Вьетнам	33			17		22		36	108
Филиппи- ны	36			49					85
Юж. Корея				16		44		15	75
Пакистан	23	35	8		4				71
Марокко							43		43
Бразилия	25					16			41
Колумбия	40								40
Иран			13	25					38
Индонезия	21				10			7	38
Алжир							34		34
Италия			10				21		31
Тайвань						22		7	29
Канада						28			28
Франция				27					27
Бангладеш		15			6			5	27
США		23						4	27
Прочие страны	25,9	47,4	64,7	17	10,1	32,1	78,3	14,6	290

Из таблицы видно, что в Австралии, Канаде, Великобритании и США – отчетливо доминируют азиатские рынки, прежде всего Китай и Индия, которые формируют наиболее интенсивные потоки практически по всем направлениям. В континентальных европейских странах, таких как Германия и Франция усиливается роль государств Ближнего Востока и Северной Африки (Марокко, Алжир, Тунис, Сенегал, Кот-д’Ивуар, Ливан, Сирия). Это видно и из рисунка, на котором выделены основные страны-доноры международной образовательной мобильности в разрезе рас-

пределения по странам-реципиентам. Данный факт скорее указывает на формирование устойчивых образовательных связей в рамках исторически и языково обусловленных региональных зон влияния. Япония и Малайзия, в свою очередь, представлены как региональные хабы, ориентированные преимущественно на азиатский контингент (Китай, Непал, Вьетнам, Индонезия, Бангладеш, Пакистан). К сожалению, отсутствуют общедоступные данные по Китаю, но вполне может быть, что Китай вернул себе статус ведущего направления на азиатском рынке.

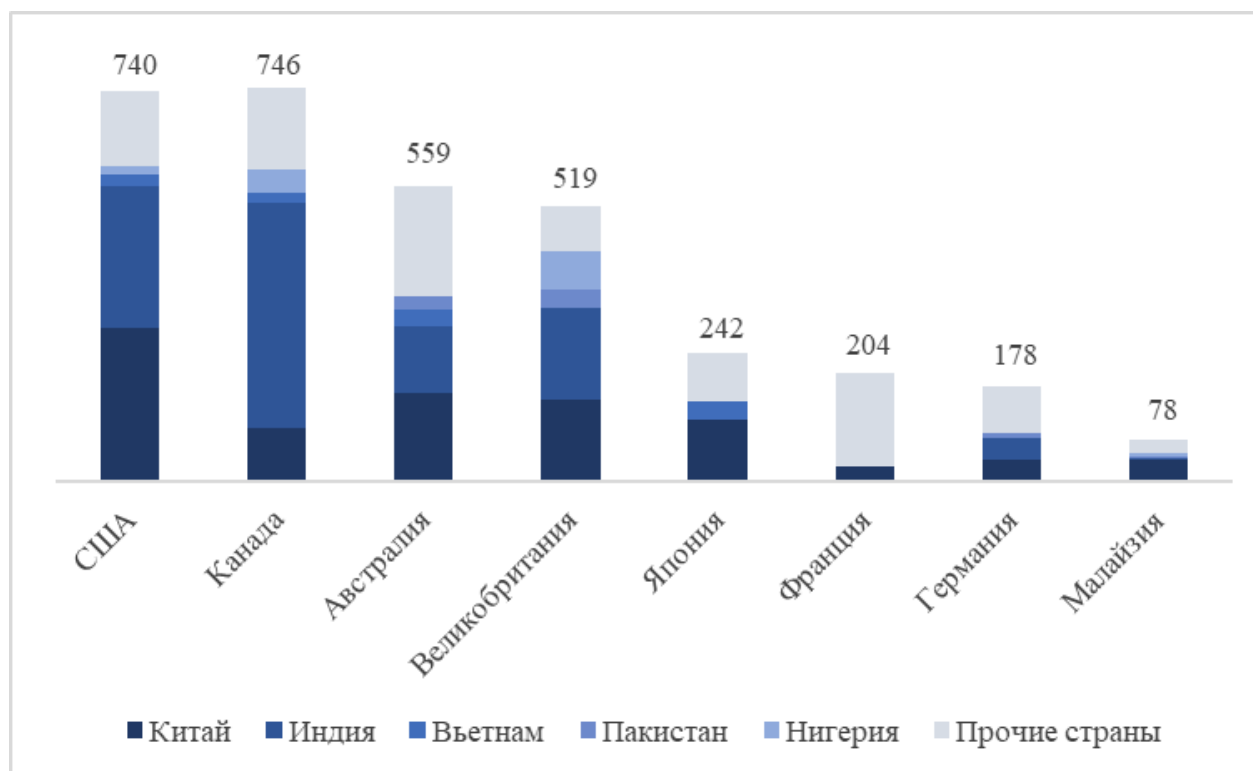

Рис. Основные страны-доноры международной образовательной мобильности и их распределение по странам-реципиентам
Fig. The main donor countries of international educational mobility and their distribution by recipient countries

Согласно отчету Global Education Trends, подготовленному консалтинговой компанией по вопросам обучения за рубежом MSM Unify, в таких странах, как Канада, Австралия, Великобритания и США, в настоящее время наблюдается снижение интереса студентов к обучению из-за ужесточения визовой политики, роста стоимости жизни и сокращения возможностей трудоустройства после окончания учебы (MSM Unify. Global Education..., 2024).

Формально, статистическая картина подтверждает устойчивый спрос на зарубежное образование. Однако именно на фоне этого роста становятся особенно заметны структурные изменения, происходящие в последние годы. С одной стороны, спрос на международное образование остается высоким, особенно в странах Глобального Юга, где темпы роста молодого населения опережают возможности национальных систем высшей школы. С

другой стороны, усиливается давление структурных ограничителей, связанных с политикой принимающих государств. Миграционная политика и усиление визовых требований, введение количественных лимитов, повышение финансовых требований, растущая нагрузка на инфраструктуру городов – все это формирует новую конфигурацию мобильности. Эти изменения постепенно перестраивают географию и динамику трансграничных перемещений, снижая доступность традиционных направлений и одновременно стимулируя развитие региональных форм мобильности и гибридных образовательных моделей.

Международная студенческая мобильность вступает в более фрагментированную, чувствительную к политике фазу, и неудивительно, что американская политика снова оказывает влияние на глобальные студенческие потоки. Хотя США остаются ведущим направлением, их ли-

дерство на рынке начинает ослабевать. Мобильность становится не просто элементом образовательной политики, но и фактором экономического развития, территориальной устойчивости и международной конкуренции за человеческий капитал. Эти выводы задают основу для дальнейшего анализа статистики международных потоков и рассмотрения сценариев развития глобального образовательного пространства.

Экспертами QS на основе отчета о глобальных потоках студентов за 2025 год, предложены три сценария развития международного образования до 2030 года (Three Scenarios for International Education..., 2025). Каждый сценарий учитывает геополитические и экономические факторы, а также демографические сдвиги.

Первый сценарий получил название «регулируемый регионализм» (“regulated regionalism”). Сценарий отражает глубокую структурную трансформацию международной мобильности, в рамках которой глобальный рынок образовательных услуг заменяется системой управляемых региональных потоков. В отличие от прежней модели, основанной на высокой степени рыночной свободы, здесь формируется контролируемая архитектура мобильности, основанная на государственном регулировании и инфраструктурных ограничениях.

Важной характеристикой данного сценария является перераспределение власти в системе международного образования. Таким образом, инициатива смещается от университетов к государствам. Именно государство становится главным архитектором миграционно-образовательной политики. Национальные правительства вводят пороговые значения приема иностранных студентов, увязывая их с возможностями жилья, пропускной способностью кампусов и дефицитами рынков труда. Таким образом, международное образование превращается из рыночного поля конкуренции в элемент национального экономического планирования.

Сегодня мы наблюдаем, как растут рынки Южной Азии, Ближнего Востока и Центральной Азии. Государства активно инвестируют в национальные системы образования и создают региональные образовательные хабы. Это, в свою очередь, снижает зависимость от англоязычных стран, способствует деконцентрации глобального образовательного пространства.

Регулируемый регионализм сигнализирует не об упадке международного образования, а скорее об его перебалансировке и четко выстроенном трансграничном сотрудничестве.

Стимулирующие факторы остаются сильными, стимулирующими выездную студенческую мобильность, но они все чаще перенаправляются в пределах региональных границ. Сценарий “regulated regionalism” для государств выступает инструментом смягчения инфраструктурного давления, а также целевого распределения иностранных студентов в стратегически значимые отрасли. Такая перенастройка создает баланс между национальными приоритетами и региональной интеграцией, что отличает данный сценарий от предшествующих моделей глобализации.

Важная аналитическая особенность сценария заключается в том, что регионализация мобильности формируется не как ограничение, а как рационализация глобальных потоков в условиях нарастающей геополитической, климатической и инфраструктурной турбулентности. Сценарий показывает, что международная мобильность не сокращается, а переформируется, принимая форму более устойчивых, близкорасположенных и институционально предсказуемых маршрутов.

Второй сценарий – «гибридный мультиверситет» (hybrid multiversity) – демонстрирует переход к качественно новому типу международного образования. Понятие «мультиверситет» ввел еще в 1963 году С. Керр, описывая его как «...непоследовательная институция...это не одно сообщество, а несколько... его границы размыты» (Kerr, 2001).

Основная логика сценария строится на способности образовательной системы обеспечивать гибридность, модульность и технологическую связанность учебных траекторий. Гибридный мультиверситет предполагает развитие распределенной модели участия, в которой обучающийся может комбинировать онлайн-форматы, локальные площадки и краткосрочные модули. Международная мобильность перестает быть моноцентричной и уже не определяется длительностью пребывания за рубежом. Это приводит к снижению стоимости образования и одновременно снимает инфраструктурные ограничения, традиционно ограничивавшие рост международных потоков.

С точки зрения стимулирующих факторов, такая многоуровневая траектория сценария позволяет сгладить дисбалансы, вызванные демографическим давлением в странах Глобального Юга и экономической волатильностью. Возможность осваивать часть образовательной программы в стране проживания становится инструментом уменьшения финансовых рисков и повышения доступности образовательных услуг. Тем самым гибридная модель обеспечивает институциональную адаптивность в условиях геополитической неопределенности, которая все чаще определяет контуры глобальной мобильности.

Данный сценарий смещает фокус привлекательности с физического пространства кампуса на качество цифровой инфраструктуры, стандартизацию учебных планов и встроенность карьерных возможностей. Международное образование перестает быть пространственной практикой и становится системой, в которой ценность создается за счет межинституциональных сетей.

На наш взгляд, это поворот к новому типу международного рынка образовательных услуг, где цифровые платформы, распределенные кампусы и модульные форматы обучения становятся основными элементами мировой образовательной архитектуры.

Третий сценарий, предложенный экспертами и обозначенный как «восстановление гонки талантов» (talent race rebound), делает ставку на интенсивную конкуренцию за студентов между странами, рассматривая их как будущих исследователей и инноваторов. В его основе – структурная трансформация международной образовательной системы, связанная с демографическим сжатием экономически развитых государств и растущим спросом на квалифицированный труд в высокотехнологичных секторах. Таким образом, международное образование стратегически переосмысливается в сторону аккумуляции глобального человеческого капитала. В таком сценарии университеты, правительства и индустрия начинают действовать как единая система по привлечению дефицитных компетенций. Мобильность студентов перестает быть побочным эффектом глобализации, становясь сознательным инструментом укрепления национальной конкурентоспособности.

С позиции стимулирующих факторов сценарий особенно значим для стран Глобального Юга, где рост молодого населения и ограниченность внутренних возможностей трудоустройства создают устойчивый спрос на внешние образовательные и миграционные траектории. С точки зрения притягивающих факторов сценарий характеризуется усилением привлекательности стран-реципиентов через прямую интеграцию образования и миграции. Расширенные рабочие визы, ускоренные процедуры получения резидентского статуса и гарантированные трудовые маршруты становятся ключевыми стимуляторами спроса. Это коренным образом меняет структуру выбора и приоритет смещается от качества кампуса или культурных характеристик к оценке долгосрочных карьерных выгод. Государства, реализующие данный сценарий, готовы принимать более высокий уровень неопределенности ради удержания конкурентной позиции в глобальной гонке за таланты. Это означает, что международное образование вступает в новую фазу,

где устойчивость определяется не снижением рисков, а способностью компенсировать их через повышенную отдачу от человеческого капитала.

В целом, «восстановление гонки талантов» демонстрирует трансформацию международной мобильности в инструмент экономического развития и демографической коррекции. Таким образом, образование здесь выступает не культурным обменом и не элементом внешней политики «мягкой силы», а ключевым инструментом адресного привлечения человеческого капитала.

Предполагается, что в ответ на растущий спрос на зарубежное образование, приобретающего функцию «миграции с определенной целью», правительства стран будут перераспределять потоки, направляя студентов в регионы за пределами крупных мегаполисов. Это будет способствовать развитию региональных центров знаний и снижать давление на инфраструктуру крупных городов. При этом, гибридные и онлайн-форматы сохраняют свое значение, но основной образовательный опыт остается «кампусным и имерсивным».

В целом “talent race rebound” представляет международное образование как инструмент глобального перераспределения талантов и материальную основу национальной конкурентоспособности, где поток студентов рассматривается как инвестиционный механизм, а не как академическая переменная.

Заключение (Conclusions). Глобальный рынок международного образования уже давно не является однородным пространством, а системой перекрывающихся полюсов притяжения с различной степенью зависимости от стран-доноров.

Сценарный анализ показывает возможность трех траекторий развития. Логика «регулируемого регионализма» основывается на возможности формирования многоузловой глобальной образовательной системы, где центр тяжести смещается от «большой четверки» англоязычных стран к

полицентричным региональным блокам. В сценарии «гибридного мультиверситета» усиливается распределенность образовательных траекторий между форматами, платформами и странами. Международное образование становится более доступным и предсказуемым. И третий сценарий, направленный на восстановление гонки талантов, демонстрирует трансформацию международной мобильности в инструмент, посредством которого государства не только привлекают, но и интегрируют талантливых студентов в свои инновационные экосистемы. Сценарий указывает на усиление стратегической роли международного образования в глобальном распределении ресурсов и подчеркивает возрастающую конкуренцию между странами за интеллектуальный потенциал будущих поколений.

Все три сценария не исключают друг друга и могут реализовываться параллельно в разных регионах, задавая мозаичную конфигурацию будущего ландшафта международной мобильности. В отчетах QS Global Student Flows представлен прогнозный анализ развития для двенадцати стран и очерчены возможные траектории развития. Однако вектор реальных изменений будет зависеть от того, как в ближайшие годы сложится сочетание демографических трендов, регуляторных решений и стратегий самих университетов. В этом смысле представленный в статье анализ можно рассматривать как отправную точку для дальнейшего мониторинга и уточнения сценариев трансформации глобального рынка международного образования.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflict of interest: the authors have no conflict of interests to declare.

Список литературы

Быковская Е.Н., Рыбина М.Н. Экспорт образовательных услуг: конкуренция в новых геополитических условиях // Вестник университета. 2023. № 1. С. 68–75.

Климова Т.Б. Образовательный туризм и образовательная миграция: кому интересна Россия // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. Т. 9. № 1. С. 4–15. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-1-0-1.

Косов М.Е. Глобализация образования, возможности и перспективы экспорта российского образования в условиях санкций против Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2024. № 2.С. 5-18. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-2-5-18.

Николаев В.К., Скворцов А.А., Николаев Р.С., Богатенков С.А. Интернационализация российского образования: новые вызовы и новые решения // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1. С. 42–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-1-42-62.

Офицерова Н.А. Образовательный туризм в условиях глобальных вызовов // Вестник университета. 2024. № 3. С. 63–68. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-3-63-68.

Родыгина Н.Ю., Мусихин В.И., Азарова О.А., Логина М.В. Экономический анализ мирового экспорта образовательных услуг // Международная экономика. 2022. № 1. С. 50-66.

Choi, C.A. (2021), “Segmented pathways of educational mobility: English language schools, working holidays, and divergent prospects among South Korea’s global youth”, *Global Networks*, 21 (1), pp. 40–63. DOI: 10.1111/glob.12307.

Dilek Fidler, S., Clarke, L. and Wang, R.Y. (2025), “From mobility to migration: the impact of socio-cultural and professional factors on international post-doctoral capabilities”, *Studies in Higher Education*. DOI: 10.1080/03075079.2025.2552824.

Hunaiti, Z. and Sultan Altamimi, L. (2025), “Post-2024 UK International Student Supply Chain Challenges”, *Encyclopedia*, 5 (3), p. 132. DOI: 10.3390/encyclopedia5030132.

ICEF Insights (2025), *Charting a new approach to international student recruitment*, ICEF Monitor, [Online], available at: <https://newsletters.qs.com/3-scenarios-for-international-education-in-2030/> (Accessed: 8.11.2025).

Kerr, C. (2001), *The Uses of the University*, 5th ed., Harvard University Press, Cambridge, MA, 288 p.

Klimova, T.B. (2024), “Educational tourism as an outlook component of the marketing and operational strategy of a modern educational or-

ganization”, in: *Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022)*, Springer, Cham, pp. 399–409. DOI: 10.1007/978-3-031-50407-5_33.

Kwak, J. and Chankseliani, M. (2024), “International student mobility and poverty reduction: A cross-national analysis of low- and middle-income countries”, *International Journal of Educational Research*, 128, 102458. DOI: 10.1016/j.ijer.2024.102458.

Liu, C. (2025), “The local economic consequences of exporting higher education services”, *SSRN Working Paper, National University of Singapore*, [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=5158470> (Accessed: 08.11.2025). DOI: 10.2139/ssrn.5158470.

Luo, Y., Latukha, M. and Panibratov, A. (2023), “International student mobility: A systematic review and research agenda”, *International Journal of Consumer Studies*, 47 (3), pp. 852–887. DOI: 10.1111/ijcs.12911.

MSM Unify, *Global Education Trends: Insights for 2025* (2024), MSM Unify Strategic Guide, URL: https://lp.msmunify.com/hubfs/marketing-2024/Global_education_Trends_Insights_for-2025.pdf (Accessed: 08.11.2025).

Mendoza-Jiménez, J., García-Rodríguez, F.J. and García-González, C.G. (2025), “International student mobility and its impact on destination countries”, *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 15, pp. 749–774. DOI: 10.1007/s40647-025-00450-7.

Three Scenarios for International Education in 2030. *Global Student Flows Report 2025*, QS, [Online], available at: <https://newsletters.qs.com/3-scenarios-for-international-education-in-2030/> (Accessed: 08.11.2025).

Rokita-Poskart, D., Adamska, M., Platje, J., Małowska-Frankowska, I. and Poskart, R. (2024), “Educational migration and demographic resilience: the role of student mobility in local development”, *Economics and Environment*, 91 (4), p. 1016. DOI: 10.34659/eis.2024.91.4.1016.

Selby, M. (2021), “Mobile student experience: The place of tourism”, *Annals of Tourism Research*, 90, 103253. DOI: 10.1016/j.annals.2021.103253.

References

Bykovskaya, E.N. and Rybina, M.N. (2023), “Eksport obrazovatelnyh uslug: konku-

rentsiya v novykh geopoliticheskikh usloviyah”, *Vestnik universiteta*, 1, pp. 68-75. (In Russ.).

Choi, C.A. (2021), “Segmented pathways of educational mobility: English language schools, working holidays, and divergent prospects among South Korea’s global youth”, *Global Networks*, 21 (1), pp. 40-63. DOI: 10.1111/glob.12307.

Dilek Fidler, S., Clarke, L. and Wang, R.Y. (2025), “From mobility to migration: the impact of socio-cultural and professional factors on international post-doctoral capabilities”, *Studies in Higher Education*. DOI: 10.1080/03075079.2025.2552824.

Hunaiti, Z. and Sultan Altamimi, L. (2025), “Post-2024 UK International Student Supply Chain Challenges”, *Encyclopedia*, 5 (3), p. 132. DOI: 10.3390/encyclopedia5030132.

ICEF Insights (2025), *Charting a new approach to international student recruitment*, ICEF Monitor, [Online], available at: <https://newsletters.qs.com/3-scenarios-for-international-education-in-2030/> (Accessed: 8.11.2025).

Kerr, C. (2001), *The Uses of the University*, 5th ed., Harvard University Press, Cambridge, MA, 288 p.

Klimova, T.B. (2024), “Educational tourism as an outlook component of the marketing and operational strategy of a modern educational organization”, in: *Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022)*, Springer, Cham, pp. 399-409. DOI: 10.1007/978-3-031-50407-5_33.

Klimova, T.B. (2023), “Образовательный туризм и образовательная миграция: кому интересна Россия”, *Nauchnyy rezultat. Tekhnologii biznesa i servisa*, T. 9, 1, pp. 4-15. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-1-0-1. (In Russ.).

Kosov, M.E. (2024), “Globalizatsiya obrazovaniya, vozmozhnosti i perspektivy eksporta rossiyskogo obrazovaniya v usloviyah sanktsiy protiv Rossiyskoy Federatsii”, *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, 2, pp. 5-18. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-2-5-18. (In Russ.).

Kwak, J. and Chankseliani, M. (2024), “International student mobility and poverty reduction: A cross-national analysis of low- and middle-income countries”, *International Journal of Educational Research*, 128, 102458. DOI: 10.1016/j.ijer.2024.102458.

Liu, C. (2025), “The local economic consequences of exporting higher education services”,

SSRN Working Paper, National University of Singapore, [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=5158470> (Accessed: 08.11.2025). DOI: 10.2139/ssrn.5158470.

Luo, Y., Latukha, M. and Panibratov, A. (2023), “International student mobility: A systematic review and research agenda”, *International Journal of Consumer Studies*, 47 (3), pp. 852–887. DOI: 10.1111/ijcs.12911.

MSM Unify, *Global Education Trends: Insights for 2025* (2024), MSM Unify Strategic Guide, [Online], available at: https://lp.msmunify.com/hubfs/marketing-2024/Global_education_Trends_Insights_for-2025.pdf (Accessed: 08.11.2025).

Mendoza-Jiménez, J., García-Rodríguez, F.J. and García-González, C.G. (2025), “International student mobility and its impact on destination countries”, *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 15, pp. 749–774. DOI: 10.1007/s40647-025-00450-7.

Nikolaev, V.K., Skvorcov, A.A., Nikolaev, R.S. and Bogatenkov, S.A. (2025), “Internatsionalizatsiya rossiyskogo obrazovaniya: novye vyzovy i novye resheniya”, *Vysshnee obrazovanie v Rossii*, T. 34, 1, pp. 42-62. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-1-42-62. (In Russ.).

Oficerova, N.A. (2024), “Образовательный туризм в условиях глобальных вызовов”, *Vestnik universiteta*, 3, pp. 63-68. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-3-63-68. (In Russ.).

Rodygina N.Yu., Musikhin, V.I., Azarova, O.A. and Logina, M.V. (2022), “Ekonomicheskiy analiz mirovogo eksporta obrazovatelnykh uslug”, *Mezhdunarodnaya ekonomika*, 1, pp. 50-66. (In Russ.).

Rokita-Poskart, D., Adamska, M., Platje, J., Mąkolska-Frankowska, I. and Poskart, R. (2024), “Educational migration and demographic resilience: the role of student mobility in local development”, *Economics and Environment*, 91 (4), p. 1016. DOI: 10.34659/eis.2024.91.4.1016.

Selby, M. (2021), “Mobile student experience: The place of tourism”, *Annals of Tourism Research*, 90, 103253. DOI: 10.1016/j.annals.2021.103253.

Three Scenarios for International Education in 2030. *Global Student Flows Report 2025*, QS, [Online], available at: <https://newsletters.qs.com/3-scenarios-for-international-education-in-2030/> (Accessed: 08.11.2025).

Данные об авторах

Климова Татьяна Брониславовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международного туризма и гостиничного бизнеса НИУ «БелГУ»

Пушкина Юлия Владимировна, аспирант кафедры международного туризма и гостиничного бизнеса НИУ «БелГУ», преподаватель кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, НИТУ МИСИС

Information about the authors

Tatyana B. Klimova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Tourism and Hotel Business

Julia.V. Pushkina, Post-graduate Student of the Department of International Tourism and Hotel Business, Belgorod State National Research University, Senior Lecturer, Department of Modern Languages and Communication, MISIS University